

Т. А. Андреева
Челябинск

Образ революций 1917 года в сознании Романовых (по мемуарам и дневникам представителей династии)

1917 год отложился в представлениях и памяти членов семьи Романовых как роковой, а Февральская революция с ее социально-политическими последствиями ассоциировалась в их сознании с «проклятьем», «ужасом», «катастрофой». В целом, образ 1917 года выстраивается в системе их чувств и оценок как одномерный и исключительно отрицательный. В большинстве своем они не погружаются в поиски природы и социальных корней этой революционной стихии. Такой угол зрения и концепция понятны и объяснимы, потому что династия оказалась главной персонифицированной жертвой революционного взрыва, а ее реальным представителям победившая революция готовилась предъявить «обвинительный акт» по поводу «исторической несправедливости» и преступности режима самодержавия.

Для выявления «образа» 1917 года в умонастроениях Романовых взят мемуарный комплекс, представленный дневниками вдовствующей императрицы Марии Федоровны (1847–1928) — матери Николая II¹; воспоминаниями великого князя Александра Михайловича (1866–1933), находившемся с Николаем II в двойном родстве: он приходился императору двоюродным дядей и был женат на его сестре Ксении Александровне²; воспоминаниями князя императорской крови (великокняжеский титул он получит в эмиграции в 1939 г.) Гавриила Константиновича (1887–1955)³; воспоминаниями двоюродной сестры Николая II великой княжны Марии Павловны (1890–1958)⁴; записками великого князя Николая Михайловича (1959–1919) — двоюродного дяди императора, известного историка и представителя «великокняжеской» оппозиции⁵ и дневниками великого князя Андрея Владимировича (1879–1956), которому император приходился двоюродным братом⁶. Дополняют этот мемуарный блок материалы личной переписки, представленной письмами великого князя Николая Михайловича императрице Марии Федоровне за 1915–1918 гг.⁷ и письмами последней (1917 год) к великой княгине Ольге Константиновне — племяннице Александра III, бывшей замужем за родным братом императрицы принцем Вильгельмом, который являлся к тому же греческим королем Георгом I⁸.

Дневник вдовствующей императрицы Марии Федоровны — это хроника повседневной жизни, с фиксацией всех рефлексий, с обозначением болевых точек в размышлениях о переживаемых событиях, как с логическими, здравыми рассуждениями, так и игрой воображения на предмет возможного развития ситуаций. Ее дневник переполнен вопросами, сомнениями, страстями и эмоциями. Автор пребывает в неизвестности относительно последующего исхода переживаемых событий, суть которых ей не всегда ясна и понятна, так как не в каждом из них она — очень энергичный и деятельный человек в недавнем прошлом — непосредственный участник. Часто к ней поступала «отредактированная» информация или вообще дезинформация, поэтому императрица не могла должным образом

квалифицировать текущие события. Это обстоятельство у нее, личности, склонной к анализу, размышлениям и принятию решений, вызывало раздражение.

Великий князь Александр Михайлович, командовавший в годы Первой мировой войны русской военной авиацией, ведет свое повествование, уже имея представление о последствиях случившегося. Тематическое поле его мемуаров сформировалось не стихийно, оно дифференцировано, трактовка событий отредактирована опытом жизни в эмиграции. Масштаб обзора интересующих его фактов выверен самим замыслом. Чувствуется, что мемуарист проделал обширную и тщательную подготовительную работу, отдавая приоритет политически значимым историческим явлениям, причем его авторское «Я» не претендует на исключительное место в повествовании. Великий князь реконструирует свой жизненный путь, находясь на «дальней дистанции» от описываемых сюжетов: подготовкой мемуаров он занимался в начале 1930-х гг.

Мемуары князя Гавриила Константиновича практически не отражают реального контекста событий на политической арене. По натуре он, видимо — человек «камерный» и аполитичный, поэтому в орбите его внимания — преимущественно жизнь дома Романовых до 1917 г. с акцентом на «константиновскую ветвь». Занятый учебой в военной академии, он дистанцируется от политических процессов, и только те общественно-политические сюжеты попадали в поле его зрения и получали оценку, которые затрагивали судьбы династии и императорской семьи. В состав воспоминаний включены записки жены великого князя, которой, ценой больших унижений и мытарств, удалось спасти своего мужа и вывезти его из России.

Дневники великого князя Андрея Владимировича отражают его поездки по фронтам с выполнением отдельных поручений и инспекций, контакты с генеральской средой и штабными работниками, что позволяло ему быть в курсе настроений военной среды. Он мало соприкасался с политическими деятелями, предпочитая великосветскую жизнь и хорошо ориентируясь в проблематике внутрисемейных отношений романовской династии. Революционный водоворот 1917 г. слабо отражен в его дневнике: в январе 1917 г. он уезжает на лечение в Кисловодск, подвергается домашнему аресту в марте–июне 1917 г., случайно избегает репрессий при большевиках и в 1920 г. эмигрирует.

Великий князь Николай Михайлович посвящает 1917 г. две последних главы своих заметок, в которых рассуждает о последствиях убийства Распутина и отречения Николая II. Имеющий репутацию либерала, критически настроенного по отношению всех мероприятий императора, лично знакомый со многими членами Временного правительства, он не запечатлел каких-либо персональных оценок развития политической ситуации. Кроме того, следует иметь в виду, что последняя страница заметок помечена 26 апреля 1917 г. Эволюция его отношения к событиям конца 1916 – весны 1917 г. зафиксирована в мемуарах и дневниках его родственников.

Мемуары великой княжны Марии Павловны — цельное, насыщенное фактологическим материалом и авторскими рассуждениями повествование, где фиксируются периоды ее личной жизни в контексте всех крупных событий в России. Информация о времени и месте подготовки мемуаров в издании отсутствует. Судьба мемуаристки неординарна и нетипична для представительниц рода Романовых. В тексте мемуаров хорошо просматривается, что Мария Пав-

ловна — романтична, чувствительна, сострадательна, деятельна, склонна к размышлениям и анализу. Изолированный с детства образ жизни и отдаленность от царствующей четы в силу семейных обстоятельств, опыт жизни в своем недолгом замужестве при шведском дворе, работа в псковском военном госпитале в годы Первой мировой войны, несомненно, наложили отпечаток на ее характер, вкусы, манеры, интересы. Мемуары позволяют предполагать, что она отличалась демократизмом в общении, невзыскательностью в повседневной жизни, отсутствием высокомерия и чванства, тяготилась титулом великой княгини. Ее мемуары дают возможность ознакомиться с морально-психологическим состоянием членов династии после Февральской революции, с проблемами бытового плана, вставшими перед ними и ранее совершенно неизвестными. По сути дела, судьба Романовых и России поданы в воспоминаниях как величайшая трагедия. Даже при условии литературно-художественной обработки материалов великой княгини, с учетом субъективизма автора, беллетризации излагаемых событий, они уникальны и несут в себе значительный потенциал информации.

Личная переписка нескольких членов семьи Романовых подчеркивает то психологическое напряжение, тот эмоциональный накал, которые сопровождали обсуждение всей проблематики их существования. Этот небольшой блок писем позволяет «погрузиться» во внутрисемейные отношения «ветвей» династии, оценить характер межличностных отношений и масштабы их коррекции в экстремальных условиях. Письма Марии Федоровны не содержат по сравнению с ее дневниками какой-либо принципиально новой информации, но в них в большей степени обнажены драматические интонации в изложении своих переживаний. Письма Николая Михайловича наполнены резкими и негативными суждениями об обстановке в столице и предназначены лично для Марии Федоровны, доверяющей политическому чутью князя и солидарной с ним в оценках поведения властей, поисках выхода из ситуации. Письма князя в совокупности с мемуарами представляют автора человеком противоречивым, не всегда последовательным в суждениях. «Свирепый революционер» — так он себя называл в письмах — испытывает явное смятение чувств, ибо ситуация преподносила такие «сюрпризы», которые никак не стыковались с его некогда умеренно-реформистскими установками.

В целом этот массив мемуарной и эпистолярной информации позволяет наметить внутренние сопоставительные линии, очертить ассоциативные связи, которые делают возможным оттенить персональные авторские интонации. Следует подчеркнуть, что в стрессовой ситуации, сложившейся для семьи Романовых, в суждениях мемуаристов доминируют прямолинейные оценки, что, конечно же, во многом ограничивает диапазон исследовательских поисков скрытой информации. Этот мемуарный блок лишь в незначительной степени «работает» на реконструкцию эпохи, зато дает возможность попытаться сформировать семейно-психологический портрет царской семьи в экстремальной обстановке. Содержание мемуаров несомненно имеет культурно-познавательную направленность, обладает иллюстративной выразительностью, дополняя уже известные по традиционным источникам сюжеты новыми деталями и штрихами. К сожалению, использованные в статье мемуары, кроме дневников Марии Федоровны, изданы без сопровождения научно-справочного аппарата. В литературе уже высказывалось предположение о том, что эта «группа современной историографии Романовых» объединяет издания, выпуск которых ориентировался на коммерческий успех, а

в рамках подобной книжной политики трудно представить себе плодотворное сотрудничество издателей с архивистами и профессиональными историками⁹.

Ситуацию накануне 1917 г. представители дома Романовых однозначно оценивали как тревожную и чреватую потенциальными неприятностями для судеб страны и династии.

Еще летом 1916 г. великий князь Александр Михайлович, как он пишет, возвращался из Петербурга на фронт «с подорванными моральными силами и отравленным слухами умом», в «страшном раздражении» от пассивности и инертности Николая II¹⁰. Его брат, великий князь Сергей Михайлович, не только разделял подобные чувства, но и был настроен более пессимистично, высказывая предположение о том, что «мы не сможем долго противостоять революции». На их фоне другой брат — великий князь Николай Михайлович «был прямо оптимистом», потому что еще не отказался от своего убеждения в том, что средство преодоления кризиса — в реформах.

Князь Гавриил Константинович осенью 1916 г. отмечал, что «общественное мнение было возбуждено против Государя и Государыни, особенно против Государыни, за ее якобы вмешательство в государственные дела... Государя обвиняли в слабости характера и в том, что он находится всецело под влиянием Государыни». Он сокрушался по поводу масштабов этих толков и пересудов, будучи уверен в том, что представители общественных кругов «роют яму монархии и самим себе, помогая этим революционерам в их работе по свержению монархии»¹¹. Мария Павловна, находясь в Пскове, также свидетельствует о том, что осенью 1916 г. «Слово “революция” произносилось все чаще и все более открыто... Война, казалось, отошла на задний план... Распутин — это звучало рефреном...»¹².

Вряд ли стоит трактовать подобные предположения, как проявление провидческих способностей великих князей или их глубокого политического чутья. Один из крупнейших государственных деятелей Российской империи начала XX в. граф В. Н. Коковцов в своих воспоминаниях оговаривается следующим образом: «Скажу только одно, что кто бы ни похвалялся, что предвидел все, что произошло, сказал бы явную неправду. Все чувствовали необычайную тревогу, сознавали, что что-то готовится и надвигается на нас, <...> все ждали просто дворцового переворота, отстранения влияния в той или иной форме Императрицы, думали, что явится на смену новый порядок управления, но не произойдет ничего рокового...»¹³.

Некоторым исключением на этом фоне выглядит позиция великого князя Николая Михайловича, который был убежден в неизбежности повторения событий, аналогичных 1905 г. В дневнике великого князя Константина Романова за 1905–1906 гг. неоднократно отмечалось, как Николай Михайлович «...меня называет реакционером, все критикует, бранит...», говорит, «что всех нас — императорскую фамилию — скоро погонят прочь и что надо торопиться спасать детей и движимое имущество»¹⁴. А из дневниковой записи Андрея Владимировича от 29 декабря 1916 г. следует, что Николай Михайлович пребывал в пессимистическом настроении, полагая, что события развиваются по катастрофическому сценарию, и для всех Романовых есть «необходимость в грядущих тяжелых событиях забыть семейные распри и быть всем солидарными»¹⁵. Это позволяет предположить, что в его оценках за несколько месяцев произошли существенные коррективы. Письма Николая Михайловича Марии Федоровне наполнены рез-

ко критическими суждениями в адрес Николая и радикально-уничижительными по части поведения его супруги. Осенью 1916 г. в его конфиденциальных посланиях нарастает концентрация негативных персонифицированных оценок ближайшего окружения царя: «шайка, начиная с Аннеты Вырубовой», «темный сброд» во главе с Григорием, «темные личности», «подлые типы», «полубезумец Протопопов», «негодяй Курлов» и т. п.¹⁶ Так оценивает он известную «министерскую чехарду» в правительстве. Центром, в орбите которого обретались все преступные, антироссийские элементы, Николай Михайлович открыто называл императрицу Александру Федоровну и умолял Марию Федоровну употребить все свое материнское влияние на царя, чтобы не только «открыть Ники глаза», но и «пригласить лучшие медицинские светила для врачебной консультации и отправить Ее в удаленный санаторий... для серьезного лечения»¹⁷. Очевидно, что для великого князя, личности с государственным сознанием и патриота, репутация российской политической системы была дороже, чем материнские чувства императрицы. К тому же, он, вне сомнения, был в курсе многолетней неприязни, вплоть до взаимного отторжения, между императрицами. Следует заметить, что в дневниках Марии Федоровны какая-либо реакция на письма Николая (так она его называла) отсутствует. Великий князь делится со своей корреспонденткой впечатлениями от присутствия в ноябре 1916 г. на заседаниях Государственной думы, и это позволяет ему сделать вывод о том, что «события стремительно надвигаются», ибо всеобщая ненависть к правительству сообщает общественным настроениям катастрофические тенденции¹⁸.

Общезвестно, что в конце 1916 г. в царском доме произошел «раскол»: обозначилась великокняжеская оппозиция во главе с вдовствующей императрицей, предъявлявшая претензии императору по поводу статуса Распутина в царской семье и его роли в политике. В. М. Пуришкевич в своем дневнике отмечает факт «возникновения двух враждебных лагерей», бойкот великими князьями царицы, которая платила «им открытым пренебрежением и холодностью»¹⁹.

Довольно пространным и естественным, с учетом принадлежности мемуаристов к царствующему дому, выглядит в воспоминаниях сюжет об убийстве Распутина и реакции на это событие царской семьи. У Гавриила Константиновича есть отметка о ликовании в городе по этому поводу, но «оглядываясь на прошлое», он эту радость называет ошибочной, ибо убийство Распутина «оказалось сигналом к революции»²⁰. Сам же он вместе с Андреем и Кириллом Владимировичами посетил князя Дмитрия Павловича, чтобы заявить ему, «что, не вникая вовсе в вопрос, виновен ли он или нет в убийстве Распутина, мы все стоим за него, и он может вполне на нас рассчитывать»²¹. Облегчение и, одновременно, опасения относительно дальнейшего развития событий испытали и другие члены семьи Романовых. Это «невероятная», «ужасная» история», из-за которой «почва уходит из-под ног» — так комментировала императрица Мария Федоровна случившееся, увязывая его с обстановкой в семье своего сына, который «ни на что не может решиться из-за... той, которая всех ненавидит и мечтает о мести»²². Характерно, что открытой радости она в дневнике не демонстрирует, но, по воспоминаниям Александра Михайловича, вдовствующая императрица благодарила бога за то, что «Распутин убран с дороги», однако, предрекала «теперь еще большие несчастья»²³. Не все члены династии разделяли подобные опасения: один из участников убийства Распутина Ф. Юсупов — зять великого

князя Александра Михайловича, полагал, что этот авантюрист не был «злочастивным недугом», а являлся всего «лишь болезненным наростом, который нужно было удалить, чтобы вернуть русскую монархию к здоровой жизни»²⁴.

Неожиданный ракурс приобрела «распутинская» тема в «Записках» великого князя Николая Михайловича, которой посвящена отдельная глава «Подробности убийства Распутина». С одной стороны, автор не скрывает своего удовлетворения по поводу того, «что этот мерзавец, наконец, не будет вредить», но с другой — он, выслушав откровения Ф. Юсупова о замысле, плане, деталях этой «отвратительной сцены», сравнивает ее «со средневековым итальянским убийством»²⁵. Воспроизводя в мельчайших подробностях «сценарий» расправы с Распутиным, Николай Михайлович выявляет «распределение ролей» среди участников, проявляя особый интерес к «вкладу» своего племянника Дмитрия Павловича. На воображение Николая Михайловича произвела гнетущее впечатление сцена убийства Распутина и поведение главного действующего лица — Ф. Юсупова. Поэтому так занимает его вопрос о морально-психологическом состоянии участников этой акции. Всех их он зачислил в категорию «невротатов». Автор недоумевает по поводу восторгов своих родственников в адрес «заговорщиков», его поражает отсутствие у Ф. Юсупова чувства раскаяния за убийство человека²⁶. Политическую значимость устранения Распутина он оценивает невысоко: «все, что они совершили, — хотя очистили воздух, но — полумера, т. к. надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной и с Протопоповым...». По его мнению, появятся новые замыслы убийств, «логически необходимые, иначе может быть еще хуже, чем было». Однако иная интерпретация этого убийства содержится в письме к Марии Федоровне, где обозреваются события 17–24 декабря²⁷. Во-первых, оно квалифицируется как «патриотический поступок», не имеющий аналогов в отечественной истории, «поступок гражданского мужества, высшего патриотизма и свободы». Во-вторых, князь считает его «историческим днем освобождения величайшей страны... от дьявола в образе мужика». В-третьих, он полагает ненужным и лишним доискиваться до ответа на вопрос «как и кто уничтожил Распутина». Каких-либо рассуждений в духе христианской морали, осуждающей убийство, в этом письме нет. Но присутствуют два весьма нелицеприятных психологических портрета родственников. Один из них — великий князь Дмитрий Павлович — «нервный, взбалмошный кутила, родившийся недоношенным и воспитанный сумасшедшей Эллой...», неразлучный со своей гитарой, ищущий развлечения в женщинах, вине и картах, демонстрировал ребячество в рассуждениях «о кризисе внутри страны». Второй — Феликс Юсупов — «более образованный, более тонкий», «но обладающий железным характером», был зациклен на одном: «как уничтожить Распутина», и эта идея стала навязчивой. Завершая эту тему в письме, великий князь предлагал «закрыть» ее, не искать «больше имени храбрецов» и переключиться на вопросы текущей политики. Главным из них он называет реакцию царствующей пары на гибель Распутина, которая приобрела характер репрессий, продолжение министерской чехарды, демонстрируя тем самым вызов общественности. Политическое поведение императрицы князь диагностирует как безумие. И вновь звучит предложение об отправке ее «или в санаторий или в монастырь», поскольку «речь идет о спасении трона», о судьбе Николая. Характерно, что Николай Михайлович, профессиональный историк и опытный политик, не отождествляет в предрево-

люционной ситуации судьбы «трона» и «династии». И только в феврале 1917 г., находясь в ссылке, он придет к выводу о том, что ежедневное влияние Александры Федоровны на Государя «угрожает уже не только династии — оно угрожает самому существованию России...», это «сулит катастрофы нашему дорогому и любимому отечеству». И снова от него последует обращение к Марии Федоровне «посвятить себя... святому долгу» и как глава Царской семьи, как «добрая мать всех русских людей» «не просите, но требуйте самым решительным образом... немедленного удаления Александры Федоровны»²⁸.

Но самой эмоциональной на убийство Распутина была реакция великой княжны Марии Павловны, так как среди «заговорщиков» был ее обожаемый и горячо любимый брат Дмитрий. Весть об этом застигла ее в Пскове, где она работала сестрой милосердия в военном госпитале. Если окружавшие ее люди демонстрировали «истеричную радость», «восхищение героями дня», чувство облегчения, то она испытала целую гамму смешанных чувств: «потерю от горя рассудка», шок, страх за судьбу брата, гордость за него, желание поддержать и оказать посильную помощь²⁹. Она едет в Петроград, встречается с братом, выслушивает его объяснения относительно мотивов участия в убийстве: «...избавить Россию от чудовища, которое ослабляло ее в самой сердцеvine», и внутренне соглашается с ним. Мария Павловна, расставаясь с братом, отправленным на Кавказ в ссылку, ощутила приближение катастрофы, «конца, чего-то неизбежного, глобальное значение которого я чувствовала, но не могла постичь»³⁰.

Великий князь Александр Михайлович описывает свою отчаянную и безрезультатную попытку «просветить» императрицу Александру Федоровну относительно тех слухов и легенд, которые фигурировали в империи и призвать ее отказаться от вмешательства в политику, так как «все классы населения России настроены к вашей политике враждебно», а ее изменение «смягчило бы народный гнев»³¹. Следует отметить, что российская публицистика 1917 г. была единодушна в том, что «царица с ее болезненным мистицизмом и своеобразною гордынею маленькой немецкой принцессы, ставшей русской императрицей, сильно действовала на мужа»³². Александр Михайлович, возвращавшийся в кругу высокопоставленных военных и придворных, был убежден в существовании заговора, нацеленного на разрушение империи. Он пишет о фантастических слухах, планах дворцового переворота, в ходе которого произойдет отречение Николая II в пользу царевича Алексея, а «верховная власть» перейдет совету из людей, которые «понимают русский народ». С мрачным юмором он отмечает, что «еще не видел такого человека, который понимал бы русский народ»³³. Эти «измышления», по его убеждению, исходили не иначе как из британского посольства. Хождение слухов в российских политических кругах о готовящемся дворцовом перевороте, обсуждение его способа и возможных последствий подтверждают мемуары П. Н. Милюкова, А. И. Деникина, французского дипломата М. Палеолога³⁴.

По убеждению Александра Михайловича, «генералы-изменники» и «предатели», сидевшие в Ставке и окружавшие императора, под давлением лидеров Думы блокировали отправку дееспособных воинских частей с фронта в Петроград³⁵. Зная о ситуации на фронте, он разделял желание военных о «победе в собственной столице», охваченной забастовками, ибо считал измышлениями информации об отсутствии в городе хлеба и надвигающемся голоде. Источником формирования и распространения этой дезинформации он называл Государ-

ственную думу, которая намеревалась использовать трудности с доставкой хлеба в столицу в качестве «сигнала для революционного выступления». Горестно-негативное отношение к государственным институтам просматривается у Андрея Владимировича, убежденного, что «в Думе лгут, министры лгут, газеты и подавно, — одним словом, все лжет без удержки и совести... Обидно за Родину». Он характеризует ситуацию на 22 января 1917 г. как вакханалию³⁶.

Настоящий шок среди Романовых вызвало отречение от престола сначала Николая II, а потом его младшего брата великого князя Михаила Александровича. Для них складывалась непредсказуемая ситуация.

Манифест об отречении великий князь Александр Михайлович относит к категории «невероятных» событий и делает предположение о том, что «Вероятно, Никки потерял рассудок», так как при встрече «ничто другое в его внешности не говорило о том, что он был автором этого ужасного Манифеста»³⁷. Автор мемуаров весьма прочувствованно пишет о своем потрясении поступком кузена, который «отдал шестую часть вселенной горсточке недисциплинированных солдат и бастующих рабочих», результатом чего неизбежно будет развал армии и гражданская война. Как катастрофу оценивает это событие и великий князь Андрей Владимирович. Известие об отречении Николая II для него подобно удару грома, а отречение Михаила Александровича ошеломило: «Все прошлое величие России рухнуло. И рухнуло бесповоротно, но куда мы пойдем!»³⁸.

У великого князя Гавриила Константиновича отсутствуют развернутые и эмоциональные характеристики февральских событий 1917 г. Революция ассоциируется у него с «уличными беспорядками», «кошмарными, тревожными, мрачными днями», и это диссонирует с формулой революции, «которую ее творцы назвали “великой и бескровной”»³⁹. Он признает, что никто не мог предвидеть такого поворота событий и всех «трагических последствий переворота с его роковым концом». Известие об отречении Николая II он квалифицирует как «ужасное», от которого «тяжко и больно».

Развитие революции у Марии Павловны выглядит процессом, который представлен такими явлениями как: нарастание слухов о голодных бунтах, беспорядках, перестрелках в Петрограде, восстаниях полков, заметное ослабление дисциплины в действующей армии, потеря связи со Ставкой императора. Весь этот комплекс событий и позволил ей осознать «смысл слова “революция”» и увязать его с российской действительностью: «Революции происходили в истории, о них были написаны книги, о них читали лекции; они представляли собой сложные явления, далекие и научные. А здесь бунт, произошедший неделю назад, оказался настоящей революцией, и тень смерти реально угрожала нам всем, кто принадлежал к правящему классу».

Настоящее потрясение она пережила, узнав об отречении Николая II. Удар молнии или землетрясение, по ее мнению, имели бы на нее меньшее воздействие. Получив официальную информацию об этом, она «оцепенела», так как воспитанная на монархических канонах, «...не могла представить Россию без династии. Это словно тело без головы»⁴⁰.

Отношение к отречению Николая высказал в последней главе своих записок великий князь Николай Михайлович. Название ее симптоматично — «Как все они предали его». В главе отсутствуют какие-либо политические оценки, она свободна от претензий, возмущения, негодования в адрес Николая-императора,

но пропитана горечью и жалостью автора к Николаю-родственнику. Глава содержит внушительный перечень представителей генералитета, высшей администрации и свиты — высокопоставленных «дезертиров», которые, по мнению автора, легко отреклись от своего государя, продемонстрировав трусость, полную безыдейность и цинизм. Для Николая Михайловича это закономерный итог царствования, так как в окружении Николая оказались ничтожные, ограниченные, грязные интриганы, поглощенные карьерными интересами люди. В отличие от своего отца императора Александра III, «после 23 лет царствования Николай II не оставил ни одного друга, ни среди своих родных, ни в высшем обществе, ни в среде приближенных», в чем ему «помогала» Александра Федоровна⁴¹.

Вдовствующая императрица, находившаяся в Киеве, информацию о февральских событиях в Петрограде получала из писем и встреч с родственниками, придворными и чиновниками, и эти свидетельства многократно оцениваются ею как «ужасные», «горестные», которые вызывают «полное отчаяние». Она не владеет реальной информацией, и это для нее непривычно и мучительно. В дневнике звучат различные предположения и версии относительно возможных вариантов развития событий в Петрограде. Главного виновника этой кризисной ситуации она видит в своей невестке, подозревая ее в роспуске Думы и желании «взять власть в свои руки в отсутствие Ники».

Известие об отречении Николая II, по словам Ольги Александровны, «поразило нас, как гром среди ясного неба... Мы все были парализованы. Моя мать (Мария Федоровна. — Т. А.) была вне себя, и я всю ночь провела у нее»⁴². Императрица находилась в состоянии ужаса и задавалась вопросом: «стоило ли жить, чтобы когда-нибудь пережить такой кошмар!». Вместе с великим князем Александром Михайловичем она направляется в Могилев, где находилась Ставка, для встречи с сыном и поражается его «неслыханному» спокойствию и величественности в «этом ужасно унижительном положении». В ее чувствах можно найти следы раздвоенности: с одной стороны ее обуревают материнские жалость, сочувствие к страдающему сыну, но, с другой стороны, она отдает себе отчет в том, что за личной драмой ее сына вырисовывается вопрос о судьбе страны. Как человек с политической интуицией и развитым государственным сознанием она боится, «чтобы все это не повлияло на ход войны, иначе все будет потеряно!»⁴³. Расставание с Николаем II ею названо «одним из самых горестных дней» и страшных в жизни. В этой ситуации Мария Федоровна постоянно обращается к богу, прося у него помощи и защиты своего сына. Вернувшись в Киев, она делится своими горестными мыслями в письме Ольге Константиновне. Все происходящее вокруг представляет она в трагическом и фатально-апокалипсическом измерении: в центре этой «картины» — ее сын «настоящий Мученик, склонившийся перед неотвратимым», а вокруг — предательство: «памятник Столыпину снят», «началось брожение в армии», убийство офицеров, «солдаты... не хотят больше сражаться» — и все это в условиях войны! И вывод: «Для России все будет кончено, все будет в прошлом»⁴⁴.

Великий князь Николай Михайлович отнесся к Февральской революции лояльно, считая этот социальный взрыв неизбежным и обусловленным всеми предшествующими событиями. Его заметки не содержат личных впечатлений, наблюдений за ситуацией и прогнозов. Источником, отчасти позволяющим воспроизвести его умонастроения после возвращения в Петроград в середине марта 1917 г., являются мемуары французского посла М. Палеолога. 21 марта дипломат

отмечает, что видел великого князя, бродящего вокруг своего дворца, одетого в цивильный костюм, что делало его похожим на старого чиновника. Послу было известно, что Николай Михайлович демонстрировал оптимистические настроения относительно перспектив Революции, утверждая, что «падение самодержавия обеспечивает спасение и величие России». Он ознакомил М. Палеолога с содержанием своего письма к Николаю после убийства Распутина, за что император 31 декабря 1916 г. отправил его в «ссылку». В записи от 3 апреля посол информирует о встрече с великим князем, который «корчит из себя оптимиста», преисполнен веры во Временное правительство, которое возглавляют «такие серьезные люди и патриоты, как князь Львов, Милюков и Гучков». Судьба России зависит от них: «если они не устоят, это будет скачок в неизвестность». Во время своего прощального визита к великому князю в мае 1917 г. французский дипломат отмечает: «Как далек он от великолепного оптимизма, который он проявлял в начале нового режима! Он не скрывает от меня своей тоски и печали»⁴⁵.

По свидетельству М. Палеолога, великий князь находился во мрачном настроении, делился сомнениями относительно будущего России, их следующей встречи и собственной судьбы, ибо считал себя потенциальным «висельником».

После оформления новой системы власти Мария Павловна приходит к выводу о том, что ее главной проблемой становится борьба за элементарное выживание. Ее травмирует изменившееся к ней отношение людей, которые еще недавно выражали свое уважение, благодарность: «...казалось, я стала врагом..., для моих соотечественников, которым я отдавала все силы». Положение в Пскове стало опасным: ей не рекомендовали появляться на публике, передвигаться свободно по госпиталю, ходить в церковь — она превратилась в «пленницу в собственной больнице». Ее поражают масштабы революционного презрения ко всему старому, «бойкая демагогия» новых властей, предательство Николая II со стороны придворных, духовенства, интеллигенции⁴⁶.

Князь Гавриил Константинович в течение всего 1917 г. находится в Петрограде, вращается в кругу родственников, пребывавших в подавленном состоянии, ожидающих от Временного правительства решения своей судьбы и пытавшихся прогнозировать дальнейшее течение событий. Он занят решением своих личных проблем, связанных с женитьбой и обустройством жизни после ухода в отставку. Характерно, что бумага об увольнении его с военной службы была подписана военным министром А. Гучковым. Общественно-политическую ситуацию он фиксирует немногословно, в самом общем виде: «Революция развивалась и положение в стране становилось все хуже и хуже. Доблестная <...> армия... распадалась», осенью «стало трудно с деньгами, приходилось распродавать вещи»⁴⁷. Особенностью мемуаров князя Гавриила является то, что они структурно включают воспоминания его жены, которая подробно описывала свои «контакты» и «сражения» с представителями новых режимов, сначала пытаясь добиться лично у А. Ф. Керенского разрешения на выезд в Финляндию, а впоследствии, после ареста князей Романовых в 1918 г., приложила все усилия, чтобы выволить своего мужа из заключения. Самостоятельный интерес представляют довольно драматические эпизоды в ее записках, где информативно, эмоционально и в художественной форме описываются ее встречи с М. С. Урицким и многочисленные переговоры с представителями петроградской ЧК. Она знакомится с М. Горьким, убеждает его обратиться к Ленину с письменной просьбой об освобождении

больного князя, и с этим письмом ее горничная отправляется в Москву. Ответа не последовало, но в конечном итоге М. Горький и М. Андреева помогли Гавриилу Константиновичу вырваться из тюрьмы, приютили на время в своем доме, «выхлопотали» у Зиновьева разрешение на выезд из России, что произойдет в ноябре 1918 г. Участие М. Андреевой в судьбе Г. Романова подтверждают мемуары В. Н. Коковцова, жена которого также просила ее о пропуске в Финляндию, на что получила ответ: «Обождите, сейчас ничего не могу, у меня на руках Гавриил Константинович, которого нужно переправить туда же»⁴⁸.

Перу самого великого князя Гавриила принадлежит последняя глава воспоминаний, в которой им обрисованы условия пребывания в тюрьме, где одновременно содержались еще четверо Романовых, оказавшихся после убийства М. С. Урицкого заложниками и позднее расстрелянными.

Весну 1917 г. великая княгиня Мария Павловна после возвращения из Пскова проводит в Царском селе в семье своего отца, дом которого казался ей «убежищем от окружающего хаоса и неопределенности». Она фиксирует калейдоскоп событий, в которых ей трудно сориентироваться, однако, со всей очевидностью признает, что ситуация обостряется и имеет непредсказуемый характер. Она говорит об изменении их образа жизни, обусловленного изоляцией, разрывом прежних связей и нарастанием материальных лишений: контакты с ними подвергали людей риску, появилась практика тайных визитов. Мария Павловна становится свидетельницей осложнения жизни всех Романовых, ибо все вокруг «менялось с головокружительной быстротой». Постепенно ими все более овладевали апокалиптические предположения относительно своей судьбы. Однако случались и проблески оптимизма: «Несмотря на революцию, несмотря на оскорбления, с которыми мы сталкивались на каждом шагу, мы по-прежнему верили в традиционный идеал — в русскую душу».

Она сознает, что у них были свои идеалы и иллюзии, но приходилось признавать, «что мы все были в известном смысле виноватыми и теперь несли за это ответственность»⁴⁹. С горечью великая княжна фиксирует нарастающий хаос в столице, пьяные оргии солдат в парках, их варварское отношение к скульптуре, насаждениям и т. д. Мария Павловна отмечает такое политическое явление, как борьбу слабейшего Временного правительства и усиливающихся Советов. До нее доходили слухи о подготовке большевиками под руководством В. И. Ленина в начале июля восстания, в ходе которого большевики должны были «приехать в Царское село на броневиках и вырвать у Временного правительства императора и его семью». Мемуаристка пишет, что ее родственники отдавали себе отчет в том, что их «жизни балансируют между капризами и здравым смыслом соперничавших группировок»⁵⁰.

Отправка императорской семьи в Тобольск произвела на всех Романовых тягостное впечатление, никто из них, кроме брата царя Михаила, не был допущен для прощания. Политическая наивность и, одновременно, отчаянная смелость просматриваются в настойчивых попытках Марии Павловны установить контакты с членами Временного правительства, М. И. Терещенко и А. Ф. Керенским, во имя вызволения из-под ареста своего отца, без присутствия которого она не мыслила себе свою предстоящую свадьбу. Бракосочетание великой княгини совпало по времени с выступлением Л. Г. Корнилова, который в ее описании выглядит «великим русским патриотом», последней надеждой. Любопытно, что в семье Марии Павловны были известны планы Корнилова и история «сделки» Керенского

и Корнилова. Хотя «корниловский переворот не ставил своей целью восстановление монархии», окружение Марии Павловны желало ему успеха в борьбе с «презренным» и «одиозным» Керенским, ибо казалось, «что он может спасти Россию от полной анархии и, возможно, даст нам большую степень личной безопасности». Весьма примечательно, что Мария Павловна высказывает ожидания относительно возможного развития политической ситуации, характерные для значительной части столичной интеллигенции. В качестве единственной и «спасительной» альтернативы Временному правительству, потерявшему контроль над ситуацией, она называет большевистский переворот: «...все готовы были приветствовать его», но «никому не приходило в голову, что большевики могут удержать бразды правления больше двух-трех месяцев», так как «их власть вызовет мощную реакцию, а после этого самое худшее, что могло случиться, это диктатура». Большевистское восстание застало великую княгиню в Москве, куда с мужем они поехали вызволить из банка драгоценности. Мария Павловна характеризует впечатления от происходящего на улицах, как «непрерывный кошмар», «непередаваемый ужас и отчаяние», страх, ибо стрельба, буйство солдатской массы, крики и стоны людей, грабежи домов и квартир в центре, вынудили их несколько дней провести в доме, перешедшем на режим «осажденной крепости», и пережить проблемы с возвращением в Петроград. При описании событий поздней осени 1917 г. рефреном звучат в мемуарах мысли о том, что «мы были полностью в их власти», «мы стояли на краю пропасти», мы жили в «ожидании несчастья» и «опасения за судьбу своих близких». На страницах воспоминаний множество зарисовок о поведении слуг, ставших врагами и шантажистами, поведении солдат, громивших винные погреба, обысках и арестах. В обстановке перманентного страха происходит кардинальная перестройка повседневной жизни, идут поиски средств существования вплоть до оплачиваемой работы, так как частные денежные вклады были конфискованы, а продавать драгоценности было опасно. Ее семья влачит полуголодное существование, принципиально меняя рацион питания и осваивая карточную систему, переживает проблемы с топливом. Получив информацию об убийстве царской семьи, в отчаянии от безысходности их положения, летом 1918 г. великая княгиня с мужем предпринимают попытку вырваться из Советской России. С большими приключениями драматического плана им удалось добраться до Бессарабии.

Великий князь Александр Михайлович и Мария Федоровна после прощания с отрекшимся Николаем II вернулись в Киев и стали свидетелями развития революции на Украине. Князь отмечает грандиозные демонстрации, бесконечные митинги, на которых «ораторы обещали мир, преуспевание и свободу», хотя ему, как человеку военному, трудно было понять «как это произойдет, пока была война». Как государственника и монархиста его удручало содержание политических лозунгов, которые сопровождали эту пока еще «бескровную» революцию, так как они включали в себя требования мира, прекращения войны, возвращения с фронта солдат. В развитии революции великий князь выделил этап с конца марта 1917 г., когда началось движение «украинских самостийников», лидеры которого взяли курс на полную независимость Украины, заручившись поддержкой немецкого генерального штаба. Он припомнил, как его родственник, германский император Вильгельм II, поддразнивал своих русских кузенов темой украинского сепаратизма, «но то, что казалось до революции невинной шуткой, в марте 1917 г. приобретало размер подлинной катастрофы». Александр Михайло-

вич пишет, что планы украинских «самостийников» были расценены как «изменнические» Временным правительством, но впоследствии они найдут поддержку у большевистского руководства. Кроме того, мемуарист убежден в существовании политического сотрудничества большевиков и немцев, суть которого в том, что «Странные сообщники — Ленин и Лудендорф — ...готовы пройти часть пути вместе к объединявшей их стремление цели — разрушения России». «Германизация» Украины привела к изменению внутреннего политического климата, что сразу сказалось на положении Романовых в Киеве, в которых стали видеть «врагов революции и русского народа»⁵¹. В этой изменившейся обстановке им пришлось решать вопрос о местопребывании, тем более, что друзья рекомендовали уехать в Крым. Великий князь детально знакомит с переживаниями, сомнениями, страданиями императрицы Марии Федоровны, не свыкшейся еще до конца с мыслью о ликвидации монархии, и неоднократно заявлявшей о намерении быть вместе с семьей Николая. В конце марта 1917 г. киевские власти сочли пребывание «врагов народа так близко от фронта» большой опасностью для революционной России, и Романовы переправляются в свое крымское имение Ай-Тодор. Причем, как отмечает мемуарист, императрицу «пришлось почти что нести» — так она сопротивлялась переезду, предпочитая ему арест или тюрьму.

Оказавшись в Крыму, Романовы были заключены практически под домашний арест, их жизнь была регламентирована и находилась под перекрестным контролем особого комиссара Временного правительства, ялтинского и севастопольского советов, причем «эти революционные власти» пребывали «в постоянной вражде» и соперничестве по поводу организации надзора за неожиданными «пленниками». У великого князя описаны контакты с «охранниками», представлены их образы, язык общения. Романовы ощущали себя узниками, пребывали в состоянии страха и в ожидании новых опасностей. Осенью 1917 г. в обстановке «полного революционного разложения», они «ежедневно ожидали падения Временного правительства», ничего не зная о судьбе своих родственников в Петрограде. С приходом к власти большевиков положение Романовых осложнилось тем, что они оказались в эпицентре соперничества между ялтинским и севастопольским советами, один из которых горел желанием немедленно расправиться с «врагами народа», а другой занял выжидательную позицию в ожидании суда над ними и специальной директивы по этому поводу от Ленина⁵². Несколько месяцев Романовы жили в условиях осажденной крепости, ожидая решения своей судьбы, вынужденные поддерживать на личном уровне контакты со своими «защитниками». Ситуация разрешится парадоксальным образом: не имеющие никакой информации о происходившем на Украине, они будут неожиданно для себя освобождены весной 1918 г. немецкими войсками, которые по условиям Брестского мира оккупируют Крымский полуостров.

История пребывания Романовых в Крыму, в общих чертах представленная Александром Михайловичем, получает принципиально иной разворот в дневнике императрицы Марии Федоровны. Эти источники информации имеют множество точек соприкосновения. Однако Мария Федоровна демонстрирует картину происходящего в детальном и персонифицированном измерении. Ее дневник отражает все перипетии повседневной жизни Романовых и их окружения, насыщенной волнениями, переживаниями и по поводу режима их жизни, и из-за информационной изоляции, и из-за той ситуации все возрастающего хаоса и раз-

ложения, отражение которых они наблюдали в Крыму и непосредственно ощущали в своей каждодневной жизни. Дневник вдовствующей императрицы насыщен зарисовками семейно-бытового плана, в контексте которых она — любящая и страдающая мать, отягощенная неизвестностью по поводу судьбы двух сыновей, опекавшая и окружавшая заботой семьи двух дочерей, которые находились рядом с ней. В ее дневниковых записях ощущается своеобразие переживаемого ею времени и соответствующей ему наэлектризованной атмосферы. Автор дневника демонстрирует широкую панораму чувств и эмоций: здесь гнев и ярость в адрес новых властей, тихая радость от рождения внука, умиротворение от пребывания в розарии или на берегу моря. В этой экстремальной обстановке она иногда «заново» узнавала людей, ее старых знакомых, наделяя их в дневнике новыми характеристиками. Для Марии Федоровны даже в трагический 1917 год — судьба монархии, династии и семьи были слиты воедино.

Пребывание в Крыму в качестве «поднадзорной», фактической узницы для нее ассоциировалось с позором и величайшим унижением. Императрица описывает свое моральное состояние после грубых и бесцеремонных обысков и допросов, в ходе которых ей приходилось контактировать с «мерзавцами», «гнусным сбродом», «негодьями», «мерзким сборищем», терпеть «постыдное», «гнусное», «неслыханное обращение» и расставаться с семейными реликвиями в лице дневников, писем от родственников, религиозной литературы⁵³. После подобных эксцессов она чувствовала себя «обесчещенной», «раздавленной», «оскорбленной» и «униженной» «нашими надзирателями». Мария Федоровна регулярно фиксирует ужесточение режима пребывания их в Ай-Тодоре, в процессе которого к концу июля 1917 г. Романовы превратились в «заключенных», а через месяц — «вход и выход запрещены для всех», находящихся в имении. Своё морально-психологическое состояние она оценивала такими категориями, как «беспросветно», «жуткая хандра», «тоска неопишуемая», «вечная пытка» и т.п. Утешение императрица найдет в религии, а также в общении со своими детьми, внуками, родственниками и небольшим кругом сопровождавших ее фрейлин. Душевную разрядку будет представлять для нее ставшая нерегулярной переписка с любимой сестрой, королевой Британии Александрой. Эта связь с ней посредством писем «воскрешала» Марию Федоровну, делала ее «как будто другим человеком». Ещё одним адресатом писем была Ольга Константиновна — «мой дорогой», «любимый», «маленький ангел», которую императрица посвящала в тонкости своих страданий, делилась семейными радостями и проблемами, не сдерживая при этом своих эмоций. Очень часто в письмах фигурировал раздирающий ее душу вопрос о природе окружающей их жестокости и людской злобы⁵⁴. Однако переполненная тревогами о судьбе своей семьи, императрица радуется, когда в июне 1917 г. до нее доходят слухи о «хороших известиях с фронта», о «наступлении наших войск»⁵⁵. Но уже в июле отметит «жуткие беспорядки в Петербурге», «жуткие сообщения», «страшные известия с передовой», где солдаты отказываются воевать, сдаются в плен или бегут с фронта. Для ее патриотического сознания это «позор», «бесчестие», стыд перед союзниками. Захват немцами Риги для нее равноценен беде и позору, от чего она пребывает «в полном отчаянии», от «прикорбных вестей с фронта» ей было так стыдно, что «хотелось умереть!».

Политические события в столице в сентябре 1917 г. нашли отражение в дневнике императрицы, и главными «героями» событий стали Керенский и Корнилов.

Причем последний в оценке Марии Федоровны будет жертвой «лжеца» и «негодяя» Керенского, который действовал «по прямой указке германского Генерального штаба». В провозглашенную республику в России ей «невозможно поверить!». В конце октября в кругу Романовых обсуждались слухи о перевороте в Петербурге, в ходе которого «большевики свергли правительство и арестовали его». После подтверждения слухов она мрачно фиксирует, что «все они евреи под вымышленными именами... Ленина германцы перевезли в Россию в plombированном вагоне. Какая подлость, какой блестящий спектакль они разыграли, эти негодяи»⁵⁶. Дальнейшие записи содержат информацию об ухудшении их бытового положения, гневные интерпретации происходящего в столице, что ассоциировалось с ужасом, крахом, катастрофой и неспособностью что-либо понять в этой круговерти событий.

Самым страшным испытанием для себя Мария Федоровна считала отсутствие достоверной информации о тех родственниках, которые остались в Петрограде. Душевные муки терзали ее по поводу полной неизвестности относительно местопребывания и судьбы великого князя Михаила: еще в конце ноября 1918 г. она не имела о нем никаких сведений. Но в эпицентре ее волнений и страданий будет находиться судьба сына Николая и его семьи, о которых разными путями до Крыма будут доходить фантастические слухи, сочетавшие известия о нахождении бывшего императора у союзников или даже в Дании с утверждениями о гибели всего семейства или одного бывшего царя. Она переживет состояние шока от известия об отправке царской семьи в Сибирь и оценит решение «этих негодяев» из Временного правительства как факт «чудовищный, убийственный, ошеломляющий»⁵⁷. Окружными путями будут доходить до Крыма лаконичные письма-записки от дочерей Николая, а первое письмо от сына Мария Федоровна получит в октябре 1917 г. с описанием условий жизни в Тобольске. Вплоть до отъезда из Крыма на британском военном корабле Мария Федоровна будет терзаться гнетом неизвестности относительно судьбы его семьи⁵⁸. Она отрицательно относилась к информации из королевских домов Дании и Англии о гибели Николая, отказываясь в это верить сама и не позволяя своим близким обсуждать это и впадать в пессимизм. Покидая Россию, она была в состоянии предвкушения трагического исхода для этой страны, поскольку в ее глазах прошлое было опорочено, а будущее — безнадежно.

И лишь один представитель романовской династии во время февральских событий выбрал иную формулу поведения. Великий князь Кирилл Владимирович во главе Гвардейского экипажа с красными бантами появился в Таврическом дворце, чтобы выразить поддержку революции и предложить свои услуги. Романовы считали этот шаг своего родственника позорным и, наверное, не случайно, информация о нем в мемуарах отсутствует. Уже 8 марта он уйдет в отставку, а в июле 1917 г. уедет в Финляндию.

Таким образом, в персональном видении представителей бывшего царствующего дома Романовых не просматриваются контуры революционного процесса 1917 года в известном нам стадийно-историческом измерении. Для них поэтапное развитие событий равнозначно регрессу, дальнейшему разложению и всеобщей деградации. Они демонстрируют нам катастрофическое видение ситуации, переживают душевный надлом и находятся во власти одной мысли — о спасении. И вряд ли мы имеем моральное право упрекать их в человеческих слабостях и социальной близорукости, в их неспособности найти логически выверенное и аргументированное объяснение всему случившемуся.

Примечания

- 1 Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005.
- 2 *Великий князь Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. М., 1991.
- 3 *Великий князь Гавриил Константинович*. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993.
- 4 *Романова М.* Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. 1890–1918. М., 2006; *Она же*. Из воспоминаний // Наше наследие. 1999. № 48.
- 5 *Романов Н. М.* Записки // Красный архив. 1931. Т. 6 (49); *Великий князь Николай Михайлович*. Записки // Гибель монархии. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX. М., 2000.
- 6 «Позорное время переживаем». Из дневника великого князя Андрея Владимировича Романова // Источник. 1998. № 3; Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова // Октябрь. 1998. № 4, 5; Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 1 (26); Фронтные письма великого князя Андрея Владимировича великой княгине Марии Павловне. 1914–1916 // Отечественные архивы. 1999. № 1; *Великий князь Андрей Владимирович*. Дневники 1915–1917 гг. // Гибель монархии. История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX. М., 2000.
- 7 «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма великого князя Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Федоровне / Публ. Д. Исмаил-Заде // Источник. 1998. № 4 (35).
- 8 *Кудрина Ю. В.* Из архивного наследия императрицы Марии Федоровны / Публикация // Новая и новейшая история. 1999. № 6.
- 9 *Наумов Е. Ю.* Коммуникативные образы современной отечественной историографии Романовых // Россия в новое время: Поиск формулы национальной истории. Материалы Российской межвузовской конференции 27–28 апреля 2001 г. РГГУ. М., 2001. С. 119.
- 10 *Великий князь Александр Михайлович*. Указ. соч. С. 217–218. В оценке личностных качеств императора с великим князем солидарен британский посол в России: «... он родился автократом, будучи по своему характеру столь неподходящим для этой роли... Будучи глубоко верующим человеком и фаталистом, он всегда готов был принять все, что пошлет ему бог». (*Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 223). Французский посол дает аналогичную характеристику царя, ссылаясь на суждения великой княгини Марии Павловны: «У него... лишь отрицательная воля. Когда он сомневается в себе, <...> он перестает реагировать». (*Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 159).
- 11 *Великий князь Гавриил Константинович*. Указ. соч. С. 210.
- 12 *Романова М.* Воспоминания великой княжны. С. 251.
- 13 *Кокотов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 340.
- 14 *Романов К.* Из дневника // Красный архив. 1931. 1905 г. Т. 1 (44). С. 138; 1906 г. Т. 245). С. 113.
- 15 *Великий князь Андрей Владимирович*. Дневники 1915–1917 гг. С. 324; Из дневника А. В. Романова за 1916–1917 гг. С. 190.
- 16 «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». С. 16.
- 17 Там же. С. 13, 17.
- 18 Там же. С. 14.
- 19 *Пуришкевич В. М.* Дневник «Как я убил Распутина». М., 1990. С. 131.
- 20 *Великий князь Гавриил Константинович*. Указ. соч. С. 217.
- 21 *Великий князь Андрей Владимирович*. Дневники 1915–1917 гг. С. 319.
- 22 Дневники императрицы Марии Федоровны. С. 166.
- 23 Там же. С. 219.
- 24 *Князь Феликс Юсуфов*. Конец Распутина. Миасс, 1990. С. 8.
- 25 *Великий князь Николай Михайлович*. Записки. С. 98, 101.
- 26 Там же. С. 102, 104.
- 27 «Момент, когда нельзя допускать оплошности». С. 20–21.
- 28 Там же. С. 23.
- 29 *Романова М.* Воспоминания великой княжны. С. 252, 256, 266, 273.
- 30 Там же. С. 270.
- 31 *Великий князь Александр Михайлович*. Указ. соч. С. 223.
- 32 *Арбатский Ф. П.* Царствование Николая II. М., 1917. С. 29.
- 33 *Великий князь Александр Михайлович*. Указ. соч. С. 221.
- 34 *Милюков П. Н.* Воспоминания. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 244; *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 331; *Палеолог М.* Указ. соч. С. 192.

- 35 *Великий князь Александр Михайлович*. Указ. соч. С. 244.
36 *Великий князь Андрей Владимирович*. Дневники 1915–1917 гг. С. 331.
37 *Великий князь Александр Михайлович*. Указ. соч. С. 227.
38 *Великий князь Андрей Владимирович*. Дневники 1915–1917 гг. С. 334.
39 *Великий князь Гавриил Константинович*. Указ. соч. С. 219.
40 *Романова М.* Воспоминания великой княжны. С. 289, 293.
41 *Великий князь Николай Михайлович*. Записки. С. 105.
42 Цит по: *Кудрина Ю. В.* Из архивного наследия императрицы Марии Федоровны. С. 71.
43 Дневники императрицы Марии Федоровны. С. 171, 174.
44 *Кудрина Ю. В.* Из архивного наследия императрицы Марии Федоровны. С. 74.
45 *Палеолог М.* Указ. соч. С. 271, 290, 328.
46 *Романова М.* Воспоминания великой княжны. С. 298, 299.
47 *Великий князь Гавриил Константинович*. Указ. соч. С. 222, 226.
48 *Коковцов В. Н.* Указ. соч. С. 394.
49 *Романова М.* Воспоминания великой княжны. С. 305–307, 309.
50 Там же. С. 316, 319, 330, 332.
51 *Великий князь Александр Михайлович*. Указ. соч. С. 233–235.
52 Там же. С. 241.
53 Дневники императрицы Марии Федоровны. С. 179–181, 189, 191.
54 *Кудрина Ю. В.* Из архивного наследия императрицы Марии Федоровны. С. 76–78.
55 Дневники императрицы Марии Федоровны. С. 194–195, 198, 210.
56 Там же. С. 211, 219.
57 Там же. С. 204.
58 Там же. С. 231, 234, 239, 252

Н. А. Стрижкова
Москва

**Особенности взаимоотношений
в среде пролетарских писателей в 1930-е годы
(по материалам дневников Ф. В. Гладкова,
А. Н. Афиногенова, А. К. Гладкова)**

1930-е годы остались в истории как период формирования тоталитарного режима, годы массовых репрессий и социального оптимизма, «великого перелома», нарушившего мирный ход социальной жизни, и успехов первых пятилеток. А наряду с этими масштабными и драматическими событиями происходило становление и развитие советского общества, формировалось новое поколение советских людей.

В последние десятилетия социальная культура советской эпохи и повседневная жизнь общества вызывает особенный интерес у исследователей. Стало очевидным, что умонастроение и психологические ориентации людей являются самостоятельным фактором политического развития. Свидетельством повышенного внимания к социальной истории является активная публикация эпистолярного наследия советской эпохи, исследование источников личного происхождения: мемуаров, писем, дневников, которые в наибольшей степени отражают детали и колорит повседневности и культуры. Зачастую эти источники принадлежат представителям интеллигенции.